

Север №10, 1974г.

имена
и даты

В. БОНДАРЕНКО, Е. БОНДАРЕНКО

Н. К. РЕРИХ В КАРЕЛИИ

(К 100-летию со дня рождения художника)

НАЧАВШАЯСЯ в конце XIX века волна увлечения Севером, его историей и его древним искусством совпала с началом деятельности выдающегося русского художника Николая Константиновича Рериха. Рерих с детства интересовался искусством Севера, его постоянно влекли финская мифология, походы викингов и новгородских ушкуйников. Увлечение Рериха скандинавским и русским Севером мы находим и в его живописи, и в его литературных произведениях. Литературные произведения Рериха и сейчас представляют значительный интерес, это подтверждает недавно вышедшая книга его стихов «Письмена» («Современник», 1974).

Писать Рерих начал почти одновременно с занятиями живописью. Он был художником, поэтом, общественным деятелем, археологом, прозаиком, художественным критиком. Рерих написал множество статей, обращений, деклараций, отличающихся своеобразным, лишь ему присущим стилем. Иногда это были маленькие эссе об искусстве, иногда большие искусствоведческие работы, такие как «Древнейшие финские храмы» (1908). В своих статьях, посвященных Северу, Рерих ратует не только за сохранение старины ради нее самой, но и за своего современника, который, благодаря этой старине, может понять историю своего народа, а в конечном итоге — самого себя. «Глубины северной культуры хватило, чтобы напитать всю Европу своим влиянием на весь десятый век», — пишет Рерих. — Долго мы привыкали ждать все лучшее, все крепкое с севера... Культура северных побережий, богатые находки Гнездова, Чернигова, Волховские и Верхне-Приволжские — все говорит нам не о проходной культуре севера, а о полной ее оседлости. Весь народ принял ее, весь народ верил в нее». История и искусство Севера настолько заинтересовали Рериха, что он решил побывать там. В 1899 году художник едет по «великому водному пути» из варяг в греки, посещает Волхов, Старую Ладогу, Новгород. В 1907 году маршрут удлиняется. Рерих путешествует по западной Карелии, Финляндии, останавливается на реке Сайма, в Гельсингфорсе (Хельсинки), в Турку, Нейшлоте. Он осматривает старинные

храмы, ближе знакомится с живописью А. Галлена, работы которого восхитили его еще в 1896 году на Всероссийской новгородской выставке. Эта поездка была очень важна для художника. Под ее впечатлением Рерих создает свою живописную сюиту о викингах («Песня о викинге», «Варяжское море», «Триумф викинга»). В этих полотнах звучит рериховский гимн Северу, его суровым лаконичным краскам, его холодному, закованному в стальную кольчугу волн морю, его изрезанным скалами берегам.

Кроме сюиты о викингах, художник создает серию пейзажных этюдов: «Вентила», «Иматра», «Пунка-Харью», «Седая Финляндия» и другие. «Высокие курганы северных путей, длинные мечи, тяжелые фибулы... заставляют любить северную жизнь. В любви к ней может быть уважение к первооформленному», — пишет Рерих после этой поездки по Финляндии. Северу посвящены целые новеллы в его вышедшем в 1914 году 1-м томе собрания сочинений. Ощущается влияние скандинавских саг и русских северных былин на его притчи, рассказы.

На литературное творчество молодого Рериха оказал влияние и писатель Алексей Ремизов. (В этом признавался сам Рерих).

В 1912 году в Казани в книге А. Ф. Мантея «Рерих» было опубликовано несколько его сказок. Внимательно изучая литературное наследие Рериха, понимаешь, насколько сильно опирался этот «интуитivist» на познание, насколько неслучайны были многие его живописные образы. Широчайший круг современных ему проблем находит отражение в его произведениях.

В 1916 году Николай Рерих начинает свой поэтический цикл «Мальчику». Алексей Максимович Горький очень ценил эти «письмена», как он их называл. Эти стихи — философское раздумье, подчас лишенное конкретности. Явления обобщены и возвыщены. Этим Рерих близок к Рабин-Кранату Томасу, творчество которого было близко Рериху. Но даже при своей неопределенности эти стихи Рериха передавали то, что в те годы, которым жила страна в конце Первой мировой войны, отвергнутое «Подвиг» Рериха.

воротливостью, небывалой энергией в завоевании жизненных благ. Стойкая к невзгодам, как чертополох, Таня «будет жить долго, хотя жить ей, в сущности, незачем. Она — человек-пустыня, современный гунн, который может позволить себе все».

Все полупокинутые деревенки по дороге на Койон, где в часовнях сохранились еще старые настенные росписи, интересны художнику не как реальный предмет исследования, а лишь как объект эмоциональной реакции по поводу необратимости грустных перемен, которые несет наш «железный» век: «Мне грустно подумать, что два-три года спустя я не увижу этой тихой деревушки, не услышу (?) запаха парного молока».

В современной постановке вопроса прежде всего важна не антиомия сельского и урбанистического, природного и «железного» как двух противоположных, двух взаимоисключающих начал. Такая антиомия все более обнаруживает свою одномерность. Нынче важно понимание их нового, сложного, еще не до конца сформировавшегося в противоречиях обретаемого единства, диалектики их взаимной связности, неразрывности. Той неразрывности, когда научно-техническая мысль неизмеримо обогащает возможности природы, когда достижения культуры позволяют решительно раздвинуть горизонты развития села. Современная деревня рождается в городе — эти слова звучат как парадокс. Но парадокс, не лишенный серьезного смысла.

В этой связи нам вспоминаются очерки, выходящие в виде отдельных брошюр и объединенные общей шапкой «Письма из деревни». В этой серии выступают писатели разных республик и разных поколений. Очерк о сегодняшней сельской Рязанщине написал Николай Вирта; о развитии башкирского села в последние годы рассказывает Рамиль Хакимов; проблемы малых деревень волнуют автора очерка «Большое новоселье» Владимира Ситникова. Этих очерков много. К сожалению, и в них нет дорожевской глубины и обстоятельности, человеческой многогранности в знании предмета. Однако же в них нет лирической размытости, нет попыток задрапироваться в романтику. Они более определены, конкретны, что ли. И, главное, авторы очерков стремятся поставить реальные проблемы.

«Думается мне,— пишет один из них,— что любовь к милой родной стороне надо направлять не только на соломенную, отжившую свое деревню...» (Владимир Ситников. Большое новоселье. М., 1973, стр. 70). Надо с той же ясностью видеть деревню меняющуюся, ежечасно рождающуюся в бурной динамике нашего времени. Здесь важно даже не то, что человек стал по-другому жить, стал более современным, благоустроенным его быт. Важно, что меняется сам стиль его мышления, а стало быть, сама типология человека села.

Город в село несет не только машину, хотя это очень важно; он предлагает иную масштабность, системность подхода; он побуждает все время искать лучшего, экспериментировать, переучиваться. Он убеждает, что только традиционным сельским опытом не проживешь. Анахронизмом становится вековая деревенская хохлатка на крестьянском дворе. Десятки тысяч кур мясных пород можно успешнее и скорее вырастить на совхозной фабрике бойлеров. Даже стихийный луг должен быть заменен специальным поливным выращиванием трав с их последующей принудительной, не зависимой от погоды сушкой, переработкой в сенную муку.

Сельский труженик наших дней не может не заглядывать вперед, не прогнозировать, не думать. Сама платформа формирования личности становится в этом случае на иную, более обширную почву. Вопрос, поставленный Друцэ — радость личного вклада — реализуется в современном творческом и деловом подходе к «вечным» сельским заботам, в перестройке хозяйства, в преобразовании самого сознания сельского жителя. Оно отличается ныне уже не только колоссальной инерцией среды, не только связью с традиционным укладом (в этом укладе берется лишь лучшее, нравственно высокое), а скорее повышением активности, мобильности и динамизма, ростом инициативы.

Эти наблюдения современного очерка пока еще «голы»; они не вполне еще поставлены на почву образного мышления, не связаны тесно с нравственной проблематикой и являются скорее целеуказанием глубинному художественному исследованию. Но и в таком виде они, возможно, знаменуют начало новых сдвигов, поисков нового качества героя сельской прозы о современности. Так же, как «Владимирские проселки» В. Соловьева открыли нам сельский мир в его, если хотите, традиционных измерениях. Потом был целый ряд книг, в том числе романы Друцэ и повесть Белова, так, возможно, и ныне вслед за очерком о современных переменах на селе появятся какие-то новые романы и повести, которые, не порывая с глубокой реалистической возможностью исследований деревни «изнутри» во всей сложной переплетенности ее экономических и нравственно-гуманистических проблем, используя то лучшее, что уже показал нам Ф. Абрамов в своем Михаиле Пряслине, увидят крупно не только старых «праведников» села, но и новых деятельных лиц современной деревни, ее «корневых людей», которые на разных постах — за рулем трактора и комбайна, в председательском кабинете, на опытном поле — обеспечили урожай последних лет и вообще успех в более широком смысле.

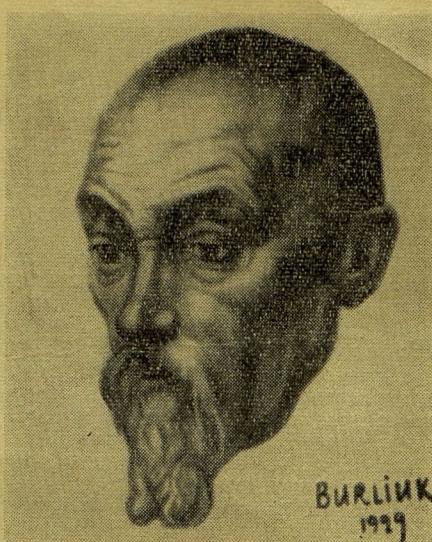
рих пишет о «сдвиге народа», который приветствуется им и близок ему. Кончает свой цикл стихов «Мальчику» Рерих уже в Сортавале, куда переехал 16 декабря 1916 года.

В начале 1915 года Рерих заболел воспалением легких. Болезнь не прошла бесследно, стала хронической. Врачи рекомендовали уехать из большого города, поселиться в деревне. Предлагали Крым, Кавказ, но Рерих решил остаться поблизости от Петрограда и арендовал в Сортавале (в то время Сердоболь) дом у самых ладожских шхер, в сосновом лесу. Его привлекла первозданная красота ладожского побережья. Сосны, растущие на голых скалах, острова в частоколе каменных копий, со своей седой историей — все это было близко духу художника, это был рериховский пейзаж. И Петроград тоже был рядом, туда Рерих ездил по делам Школы общества поощрения художников, где он был директором.

Воздух, озеро, лесная тишина оказались лучшими врачами. Болезнь отступает. Рерих подолгу живет на островах Ладожского озера, Туломе и Валааме. Он много пишет. На островах создает Рерих свою живописную сюиту «Героника», затем «Святой остров», где изображает Валаам. Валаам — остров контрастов, остров антитез. Буйные береговые ветры сменяются абсолютной тишиной в глубине острова, рядом распутут дикие северные сосны и южные каштаны, посаженные иконами Спасо-Преображенского монастыря. Своему знакомому А. П. Ланговому Рерих пишет: «Места здесь очень хорошие: лучшие, что я в Финляндии видел. Подлинный романтизм. Осень здесь еще красивее лета».

В тишине маленького города хорошо работает, тем более по контрасту с событиями, бушующими в это время в Петрограде, куда Рерих изредка ездит. Он приветствует Февральскую революцию. Работает вместе с Горьким в комиссии по делам искусств. Но болезнь не дает возможности жить в Петрограде. Усталый, подавленный болезнью, Рерих возвращается в Сердоболь. Он пишет искусствоведу А. П. Иванову: «Живу в Сердоболе, больной — опять ползучее воспаление. Когда пройдет — бог знает. Дождь бьет в окна. Передо мной страницы Кнута Гамсуна с его маленькой культурой. Та же пароходная пристань. Те же интересы маленького города».

Возникает опасность оказаться отрезанным от России. Вскоре город Сортавала оказался в тылу у белофиннов. В самом городке все по-прежнему тихо, спокойно. Но эта тишина уже начинает давить. Тревожное настроение Рериха чувствуется в его полотнах: «Карелия», «Вечное ожидание» и «Ждущая». Чего ждет художник? Чего ждут на берегу сурового озера четыре фигуры? Чего ждет девушка в белом? Премен. Об этом пишет Рерих в своих стихах, которых накопилось особенно много за время жизни в Сортавале. То, что раньше было отдыхом от живописи, теперь стало наравне с живописью, а, может, даже важнее ее. Почти весь сборник стихов

Н. К. Рерих.
(Рис. Д. Бурлюка).

«Цветы Мории», изданный в 1921 году, был написан в Карелии.

В карельских стихах Рериха наиболее сильны пантеистические мотивы. «Холодные тучи. В морщинку сложились. Знают, молчат и хранят... Не понимаю. Не вижу. Не знаю». Он описывает остров Тулому, где часто бывал:

На острове — мы. Наш старый дом....
Наши и скалы, и сосны, и чайки.
Наши — мхи. Наши звезды над нами.

Несмотря на лаконизм, стихотворение очень лирическое и нежное, наполнено присущим Рериху одухотворением природы. Недаром эти стихи так нравились Леониду Андрееву, который назвал их поэтическим «северным сиянием», а свою последнюю предсмертную статью посвятил художнику, назвав ее «Держава Рериха». Л. Андреев сам в это время жил недалеко от Рериха, знал хорошо творчество Рериха сортавальского периода.

Рерих начинает писать повесть «Пламя» (Н. К. Рерих. Пути благословения. Рига, 1924). Это необычная по форме повесть: повесть-письмо. «Ты спрашиваешь меня, где я? — пишет художник своему другу, — слушай! На острове. На севере. На горе стоит дом. За широким заливом темными увалами встали острова. Жилья не видно. Когда солнце светит в горах особенно ярко — на самом дальнем хребте что-то блесчит. Мы думаем — это жилье... Налево и сзади сгрудились скалы, покрытые лесом. Массив нашего острова очень древен... Молчаливый человек на черной сойме иногда привозит нам запасы пищи, книги и вещи из нашего прежнего мира». Одиночество окружает героя письма-повести. А в мире произошли радикальные перемены. Все меняется. Что же остается прочным? — спрашивает художник и приходит к выводу, что только труд человека, его творчество, в каких бы формах оно ни выражалось.

Художник уединяется и пишет цикл картин, стараясь воплотить в полотна все, что было дорого для него. Здесь ему ничто не мешает: ни время, ни люди, ни обстоятельства. Художник наедине со своим творчеством. Цикл удался. Когда его выставили, зритель был поражен. Но произошло несчастье: картины были отправлены в типографию для репродукции, и они сгорели. Издатель застраховал их, но кто застрахует творчество? Все ценители искусства сожалеют. Никто не предполагает, что художник отправил в типографию не подлинники, а копии своих работ. Художник снова выставил подлинные картины. И зритель их не принял. Зритель решил, что это слабые повторения. «Но глядели смущенно. Они не поверили... Смотрели слепые. Слушали глухие. Неужели мы видим только то, что хотим увидеть?» Художник потрясен, он оказался бессилен что-либо сделать. Все с восторгом вспоминали «подлинники» и с сожалением смотрели на нынешние «копии».

После случившегося художник уезжает в глушь, на северные острова. «живь и созидаю среди пламени». «И я знаю, что работаю. Знаю, что работа кому-то будет очень нужна... Я чувствую силу начать новую страницу жизни». Слова эти — гимн труду, созиданию, строительству. Эта интересная, зреющая история с успехом могла превратиться в драму для воплощения на сцене. Написанная на Севере, о Севере, где фоном могли быть картины Рериха. Эта повесть затрагивает и проблему художественного творчества, и события, происходившие тогда в России.

Повесть связана со многими реальными фактами из жизни Рериха. В 1914 году при разгроме типографии Кнебеля сожгли клише с его картин. Схожи колебания автора письма с колебаниями самого Рериха. «Где отличить то, что должно погибнуть, и то, что должно породить следствие?» — спрашивает герой повести. Ответ, который дан

в конце книги, вполне определен. «Нужно уничтожить все, что угрожает и вредит мирному строительству, знанию и искусству... Всякая невежественность погибнуть должна. Кончится черный век наш». Искусствоведы В. Князева и П. Беликов нашли черновики, где ответ звучит еще более категорично: «Культ самовластия, тирании, культ мертвого капитала может смениться лишь светлым культом знания...» (П. Беликов, В. Князева. Рерих. М., 1972).

Путь в Россию для Рериха закрыт. Предстоит долгое ожидание в маленьком провинциальном городе. Но это так плохо сочетается с выводами, к которым он пришел в повести «Пламя». Все чаще мыслями устремляется Рерих на восток. Растет цикл его карельских работ: «Северные острова», «Ладога», «Вестник утра», «Зов солнца». По приглашению шведских мастеров искусства Рерих устроил выставку своих работ в Стокгольме, которая имела большой успех. Выставка открылась 8 ноября 1918 года. После выставки Рерих решил осуществить свою мечту — поездку в Индию. Для этого надо было сначала приехать в Англию, чьей колонией тогда еще была Индия. В марте 1919 года Рерих уезжает из Финляндии. Как прощальный подарок он оставил свое последнее карельское стихотворение: «Я приготовился выйти в дорогу. Все, что было моим, я оставил. Вы это возьмите, друзья».

Так закончился один из важнейших периодов его жизни — карельский период, давший нам сборник замечательных стихов «Цветы Мории», повесть «Пламя», пьесу «Милосердие», десятки поэтических эссе. Он дал нам живописную сюиту «Героика», серию ладожских картин.

Очевидно, просто необходимо открыть в Сортавале музей Рериха, шире пропагандировать его северное творчество. Хорошо было бы карельскому Музею изобразительных искусств приобрести копии карельских работ Рериха из советских и зарубежных музеев.

Главный редактор Д. Я. ГУСАРОВ.

Редакционная коллегия: П. С. БОРИСКОВ, Н. К. ЖЕРНАКОВ, Н. А. ЖУРАВЛЕВ, В. В. КОРОТАЕВ, О. Д. ЛЕОНОВ, А. М. ЛИНЕВСКИЙ, О. И. МИШИН, С. А. ПАНКРАТОВ, И. К. РОГОЩЕНКОВ, А. А. РОМАНОВ, Б. С. РОМАНОВ, Я. В. РУГОЕВ, О. Н. ТИХОНОВ, (зам. гл. редактора), В. А. УСТИНОВ, Г. А. ЮШКОВ.

Отв. секретарь А. П. СУРЖКО.

Техн. редактор В. Н. Куричная Корректор М. И. Широнина
Рукописи объемом меньше авторского листа не возвращаются.

Адрес редакции: 185670, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 13. Телефоны: 7-47-36 (гл. редактор), 7-47-37 (зам. гл. ред., отделы прозы и публицистики), 7-94-94 (отв. секретарь, отделы поэзии и критики).

Сдано в набор 21/VIII 1974 г. Подписано к печати 18/IX 1974 г. Бумага 70×108^{1/4}, № 2, 8,0 печ. л.+0,5 печ. л. вклейки, 11,9 усл. печ. л., уч.-изд. л. 15,53. Изд. № 202. Тираж 19000 экз. Е-01782. Заказ 3312.

Цена 50 коп.

Издательство „Карелия“

(Петрозаводск, пл. имени В. И. Ленина, 1)

Типография им. Анохина

Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Карельской АССР. Петрозаводск, ул. «Правды», 4.